

К Р О К О Д И Л

Рис. Бор. Ефимова

ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

И небо стало серенько
 И щель от молний вытлепа,
 Гроза над тушей Геринга,
 Огонь над чубом Гитлера.

С Востока гром и с Запада!
 За Кольном — пламя Эссена.
 Надежно будет заперта
 Вся шваль и гиль эс-эсина.

От берега до берега
 Гроза могилу вырыла
 Для Геббельса и Геринга,
 И Гитлера и Гиммлера.
 С. КИРСАНОВ.

Ход Гиммлером

ЗАЛТЫХАВШИЙСЯ адъютант вбежал в кабинет Гитлера. Он примчался сообщить о том, что тысяча английских самолетов прибыла в Кельн с фугаснобомбардировочным визитом.

Выслушав рапорт, «фюрер» затопал ногами: — Гиммлера сюда!

Удивленный адъютант не тронулся с места:

— Кого?!

— Гиммлера! Вы что, немецкого языка не понимаете?!

— Понимаю, ваше превосходительство... Но

ведь господин Гиммлер — это... гм... несколько из другой области. Тут нужен, скорей, маршал авиации господин Геринг...

Гитлер с озлоблением дернул себя за отвислый чуб:

— Кому нужен ваш господин Геринг? Этот толстый болван обещал застрелиться, если хоть одна бомба упадет на Германию. Бомбы падают, а он что-то тянет со своим обещанием. Гиммлера сюда!

Адъютант побежал разыскивать начальника гестапо.

Картежники, заметив, что партнер попал в

затруднительное положение и не знает, чем пойти, обычно говорят:

— Если не с чего, — так с бубен...

В крапленой гитлеровской колоде роль такой дежурной бубны исполняет Гиммлер. Когда проигрывающему «фюреру» не с чего ходить, он неизменно хватается за эту грязную, замусоленную карту. Словом, как тот фельдшер, который все недуги, вплоть до зубной боли, лечил с помощью клистирной трубки.

Немцы недоумевали. Понятно, когда Гиммлеровскую клистирную трубку вставляли германским генералам, испортившим желудки на советском фронте; или министру продовольствия Дарре, когда тот заявил, что, кроме неба, откуда он ожидает манну, у него нет других источников для снабжения населения; или, наконец, самому немецкому населению, как средство для поднятия духа, бодрости и укрепления нервов. Но как Гиммлер будет бороться с английскими налетами?

— Я знаю... Ведь самое большое искусство военного пилота — это заставить своего противника снизиться... сесть на землю...

— Ну?

— Иначе говоря, посадить его...

— Ну?

— Что вы нукаете, герр Шмуклер? Неужели не понятно? Кто еще за свою жизнь посадил столько народу, сколько посадил Гиммлер? И кого он только не сажал?! Что для человека, который сажал и министров, и генералов, и даже фельдмаршалов, посадить какого-нибудь летчика в небольшом чине...

Герр Шмуклер пожал плечами:

— Но ведь Гиммлер может посадить только своего летчика, а не неприятельского...

— Вот он и будет сажать своих...

— Но от этого английские налеты не прекратятся!

— А разве я обещал вам, что они прекратятся? — возмутился собеседник.

Шмуклер продолжал недоумевать:

— Тогда зачем же все-таки назначили Гиммлера верховным главой противовоздушной обороны?

— Слушайте, Шмуклер! Если вы будете столько говорить об английских налетах, то дело окончится в полиции и тогда вы сразу поймете, зачем назначили Гиммлера...

Новый глава противовоздушной обороны прежде всего заинтересовался материалами о налете на Кельн. Получив их, он моментально снизил количество английских самолетов с тысячи до семидесяти пяти...

— Что вы делаете, ваше превосходительство?! — вскричал дежурный полковник, дававший сведения.

Гиммлер окинул его леденящим взглядом:

— Уничтожаю английские самолеты... Вы что-нибудь имеете против уничтожения английских самолетов?

Полковник поперхнулся:

— Н-н-нет... но... уж больно мало остается...

— Семьдесят пять вражеских самолетов бомбят Кельн, а вам мало?! Странно слышать это из уст офицера германской армии!..

— Я не в том смысле, ваше превосходительство: мало по сравнению с количеством жертв, размером разлу...

— Каких жертв?!

Полковник отер со лба и висков холодный пот:

— Я понимаю... гм... так сказать... необходимость... гм... скрыть... гм... Но ведь трудно... у многих погибли родственники... Будут разговоры... Вот даже в моей собственной семье... теща губита... сестра жены овдовела...

Гиммлер мило улыбнулся:

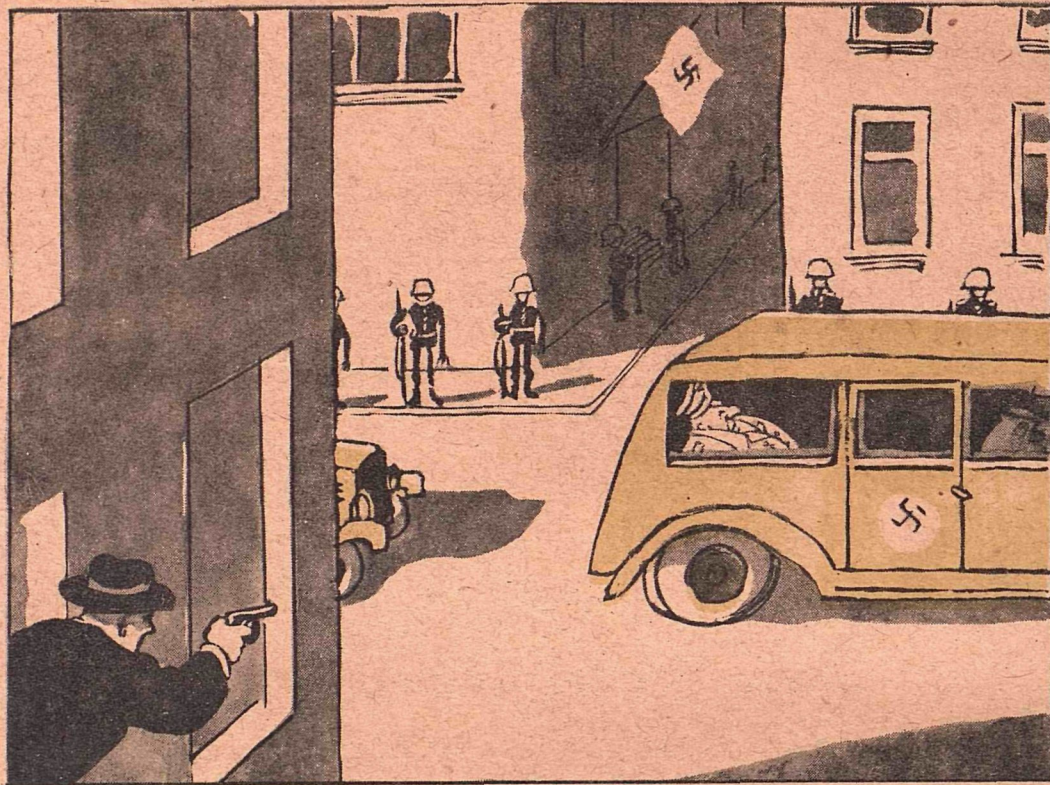
— Если вы не хотите, полковник, чтобы вторая сестра тоже овдовела, вы будете молчать...

У проматывающегося фашистского «фюрера» больше нет козырей в его воздушной игре с англичанами. Поневолье приходится ходить все той же грязной, замусоленной картой — Гиммлером...

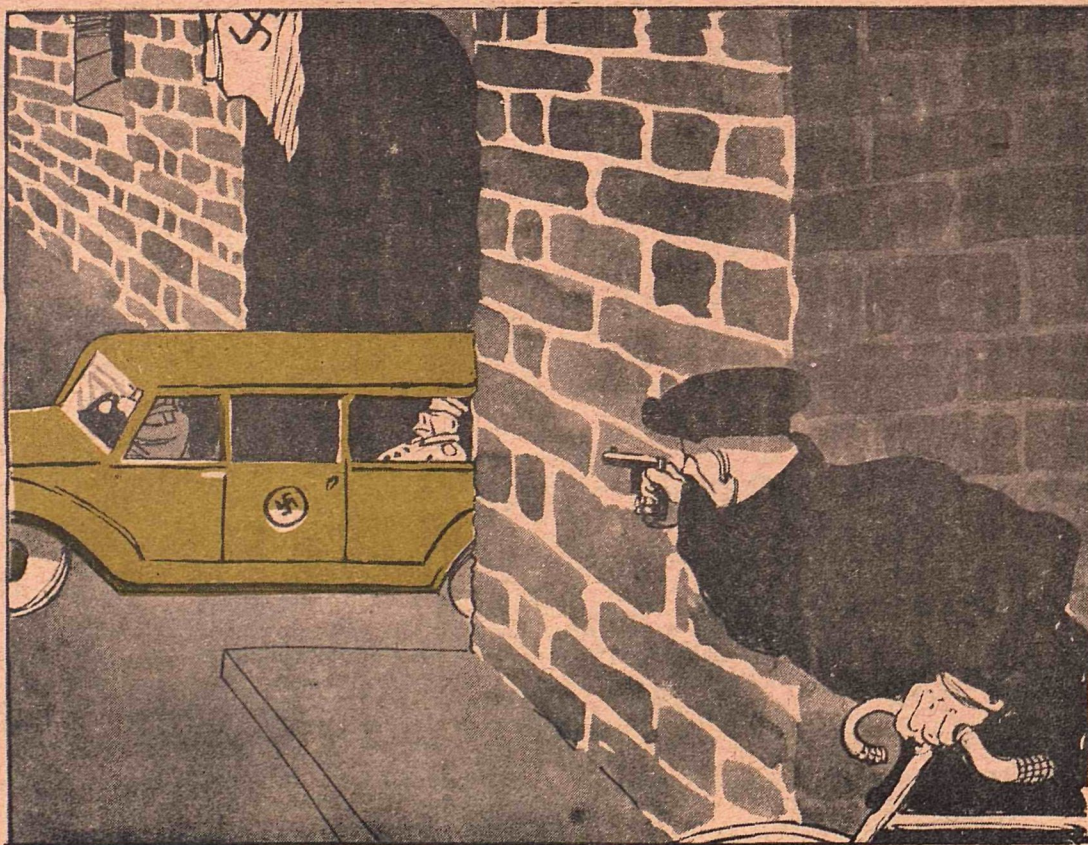
Евг. БЕРМОНТ

В ЧЕХОСЛОВАКИИ ПРОИЗОШЛИ БОЛЬШИЕ ПЕРЕМНЫ:

Рис. А. Каневского

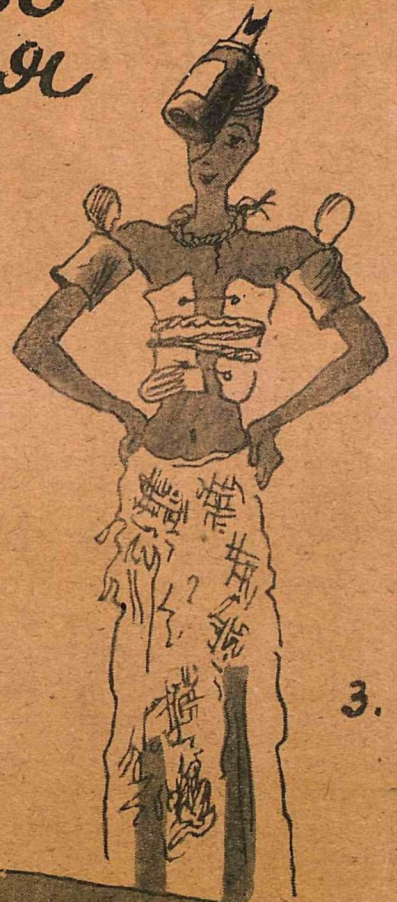

раньше стреляли в Гейдриха,

а теперь будут стрелять в Далюге.

Искусство одеваться

ХУДОЖНИК Н. Э. Радлов изобразил здесь весенне-летние моды Гитлерии в сезон 1942 года. Художник на этот раз коснулся только дамских туалетов. Мы ничего не имеем против, если гитлеровские модницы, верные подруги штурмовиков, воспользуются нашими советами. Чорт с ними, пусть носят наши фасоны!.. Нам не жалко!..

1. Здесь изображены роскошные вечерние туалеты из газетной бумаги и старой рогожки.

На пошивку одного бального платья идет, примерно, месячный комплект любой фашистской газеты. При кройке платья надо иметь в виду, чтобы портрет «фюрера» не оказался, боже упаси, ниже сины, а то у портвяхи и у заказчицы возникнут крупные неприятности с гестапо.

2. А это — выходное платье «на каждый день» для молодой девушки. Лопух, растущий в любой канаве и под любым деревенским забором, — прекрасный материал для этого недорогого и изящного туалета. Оригинальная шляпка из разбитой тарелки прелестно гармонирует с сочной зеленью

лопуха. Для того чтобы лопуховое платьице быстро не увяло под солнцем во время прогулки, рекомендуется поливать его из брадсбоя.

3. Вальный туалет, задуманный по принципу: «В большом хозяйстве и веревочка пригодится». Материал для платья — кусочки веревки, тряпочки, рогожа, куски старой галюши и т. д. Отделка рукавов — старые консервные банки. Пустая бутылка, надетая несколько набекрень, дополняет впечатлительную яркую сенсацию, которая, несомненно, оставит у зрителей этот исключительно оригинальный туалет.

4. Совсем не обязательно для немецких дам носить горжетки из чернубурой лисицы или из какого-нибудь другого ценного меха. Обыкновенная домашняя кошка, доведенная перманентной голодовкой до полудохлого состояния, выглядит очень изящно на плечах ее владелицы.

5. Здесь изображена дамская шляпка весенне-летнего немецкого сезона 1942 года. Старая патефонная пластинка с речью Геббельса составляет ее поля, консервная банка — тулью, а кость, вываренная в супе от 10 до 25 раз, с успехом заменяет страусовое перо.

Самый [✓] достойный

Заседание в 1-м действии

За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидят члены жюри конкурса на самого вежливого немца города Берлина.

Председатель: — Господа члены жюри, сейчас, когда наша страна на фронте и в тылу испытывает столь суровые трудности, многие немцы теряют присутствие духа: они становятся крайне грубыми, раздражительными, нервными. Это недопустимо. Фронт духа, господа...

Нервный член жюри (перебивая председателя): — Не тяните дохлого осла за хвост! Говорите конкретно, черт вас побери!..

Председатель (с трудом сдерживая раздражение): — Господин член жюри конкурса на самого вежливого немца города Берлина, я предлагаю вам быть вежливым!

Нервный член жюри: — От дурака слышу!

Председатель (швыряя в нервного члена жюри свой колокольчик): — Нахам! Я лишаю вас слова!

Нервный член жюри (бросаясь в драку): — А я тебя сейчас лишу головы, каналья!

Спокойный член жюри (разнимает своих коллег): — Господа, господа, прекратите! Одно из двух: либо проводить конкурс на самого вежливого берлинца либо заниматься мордобоем... Совмещать это — неудобно.

Председатель: — Вы правы. Проклятые нервы!.. Итак, нам нужно рассмотреть три кандидатуры. Первая — Франц Мюллер. Прикачки хлебной лавки. Сорок пять лет. Женат. Имеются отзывы покупателей. Вот: «Мы никогда не слышали от Франца Мюллера ни одного бранного слова». Пять подписей...

Нервный член жюри: — Я выяснил, почему они не слышали от Франца Мюллера ни одного бранного слова.

Спокойный член жюри: — Почему? Нервный член жюри: — Потому что он немой! В лучшем случае, он может только мычать.

Председатель (с энтузиазмом): — Прекрасно! Вежливо мычащий немец — это же наш идеал!..

Нервный член жюри: — Да, но кроме того он недавно дал по морде какой-то старухе.

Председатель (морщась): — «По морде»... Что за выражение, господин член жюри конкурса на самого вежливого берлинца!..

Нервный член жюри: — Ну по рожке.

Председатель (снова морщится): — Пфуй!..

Нервный член жюри: — Я забыл, как это вот называется. (Показывает на свое лицо.)

Председатель: — Это называется рожей, а это (показывает на свое лицо) — лицом.

Спокойный член жюри: — Обождите! В конце концов неважно, по морде, по рожке или по лицу Франц Мюллер стукнул старуху. Важно, что стукнул. Слушайте: а может, старуху действительно надо было стукнуть?..

Нервный член жюри: — Нет. Все произошло на нервной почве. Я выяснил. Франц Мюллер прочитал речь фюрера и расстроился. Подошла старуха, что-то спро-

сила. Франц Мюллер нервно замычал и тут же стукнул старуху... вот по этому замочу. (Показывает на свое лицо.)

Председатель: — По рожке... Понятно. Кандидатура Франца Мюллера отпадает. Переходим к следующей. Иоганн Шульц. Кондуктор троллейбуса. Пятьдесят один год. Холост. Имеет хорошие отзывы от соседей и товарищей. У кого есть отзывы?..

Нервный член жюри: — У меня. В моем распоряжении имеется полицейский протокол. Вот!.. Иоганн Шульц наднях обругал одного пассажира слепым идиотом.

Председатель: — Кандидатура Иоганна Шульца отпадает. Идем дальше. Густав Шмерке. Тридцать восемь лет. Где работает, неизвестно. Рекомендует гестапо. Отзыв подписан самим Гиммлером. Вот! Кто знает Густава Шмерке? Может быть, он в приемной?

Нервный член жюри: — Я сейчас узнаю. (Встает, идет к двери в приемную.) Густав Шмерке здесь?

Шмерке: — Здесь!

Нервный член жюри: — Идите сюда! (Входит Густав Шмерке.)

Шмерке (очень вежливо): — Здравствуйте, господа!.. (Раскланивается.)

Председатель: — Здравствуйте, господин Шмерке. Скажите: вы вежливы на работе?

Шмерке: — А как же! Чтобы я кого-нибудь из своих пациентов на «ты» назвал или там обругал, — этого не бывает. Чистенько работаем, вежливо! Чик — и готово! С вашего разрешения!..

Нервный член жюри: — И ваши пациенты на вас не жалуются?

Шмерке: — Боже упаси! Никто никогда не жаловался.

Председатель (ласково): — Чик — и готово?

Шмерке: — Чик — и готово! С вашего разрешения!..

Председатель: — Вы зубной врач?

Шмерке: — Нет!

Председатель: — Парикмахер?

Шмерке: — Нет!

Председатель (в недоумении): — Кто же вы? Чик — и готово!

Шмерке: — Я палач: головки немцам рублю, вешаю. Чик — и готово! С вашего разрешения!..

Председатель: — Палач?! И ваши... пациенты на вас не жалуются?

Шмерке: — Нет, не жалуются!

Председатель: — Прекрасно! Господа, лучшего кандидата мы не найдем. Перед нами отменно вежливый берлинец.

Спокойный член жюри: — Правильно!

Нервный член жюри: — Согласен! Председатель: — Потребители на него не жалуются. А главное — не могут пожаловаться. Короче говоря: кто за то, чтобы признать Густава Шмерке, тридцати восьми лет, палача города Берлина, самым вежливым берлинцем, — поднимите руки. (Члены жюри голосуют «за».)

Председатель (тоже поднимая руку): — Чик — и готово!.. Поздравляю вас, господин Шмерке!

Шмерке (расшаркиваясь): — Данке зер, господа! Рад стараться! С вашего разрешения!..

Леонид ЛЕНЧ

Охранка труда на

Рассе

Жил человек рассеянный.
Где? Догадаться сами!
Носил мундир, усеянный
Железными крестами.
Однажды он походом
Собрался в Ленинград,
Кресты свои начистил,
Как будто на парад.
Раз, устроясь на привал,
Он в деревне ночевал.
Не успел глаза продрать,
Начал вещи собирать:
Рассовал в свои мешки
Он хозяйкины горшки,
По ошибке в чемоданы
Сунул ложки и стаканы,
По рассеянности он
Взял с комода патефон,
Чайник, примус и корыто,
Пару платков, брюки чьи-то,
Сковородку, самовар,
Дамских туфель восемь пар
И платок кисейный...
Вот какой рассеянный!
Он к Ленинграду ехал —

Немного не до...
Когда остановил...
Ужасно удивил...
Он увидел тру...
Он почуял дым...
И спросил он у...
— Это город Л...
Тот ответил не...
— Это? Подсту...
Не волнуйтесь...
В среду будем...
Он опять в ма...
И поглубже вы...
Записал в свое...
«В среду будем...
Сел в углу пер...
И заснул трево...
Он проснулся с...
Дождь свинцов...
— Это Невский...
У шофера он с...
Тот ответил не...
— Это? Подсту...
Не волнуйтесь...
В среду будем...

заводах Шкода.

И Н Н Ы Й

ал;
—
горы,
смерд,
офера:
инград?
з яду:
к Ленинграду!
га ради,
Ленинграде.
у влез
ел в лес,
тетради:
«Ленинграде».
окином
ым сном.
сарикиа.
моросил.
ль Фонтанка? —
росил.
ез яду:
к Ленинграду!
га ради:
Ленинграде!

Он поспал еще немножко
И опять открыл окошко.
Крик «ура» услышал где-то,
Удивился и сказал:
— Мой шофер, скажите, это
Не Московский ли вокзал?
Тот ответил не без яду:
— Это? Подступ к Ленинграду!
Не волнуйтесь, бога ради,
В среду будем в Ленинграде.
Он вскричал:
— Что значит — в среду?!
Я десятый месяц еду,
А в окошко погляжу —
Все на подступах сижу.
В землю прохнулся снаряд,
Повалил деревья ряд,
Оторвал сосны вершину,
Разорвал в клочки машини.
И лежит Рассеянный,
По кустикам развеванный...

Владимир НЕВСКИЙ

Ленинград.

МЕЧТАТЕЛИ

СОЛДАТ 5-й роты 217-го саперного полка Роберт К. получил из Ганновера от своей невесты длинное письмо. Берга писала: «Дорогой Роберт! Я знаю, как тебе тяжело там, в России. И вот слушай внимательно, Роберт, что я тебе скажу...» Собственно говоря, какое право я имею отлащивать чужие тайны? Невеста пишет жениху. Это, кажется, — их частное дело. Вот почему я решил прервать фразу из письма Берты и дальше не касаться этой переписки. Вернемся к самому Роберту К., солдату 5-й роты 217-го саперного полка. Прочитав письмо Берты раз и другой, он разорвал его на мелкие куски и развеял по ветру. Прodelав эту операцию, Роберт задумался. Проходит день, другой, третий... Роберт думает. У него даже голова разболелась от такого непривычного для германского солдата занятия. За все свои годы Роберт К., солдат 5-й роты 217-го саперного полка, столько не думал, сколько за эти три дня. Настал четвертый день. Роберт опять думает. Сидит на завалинке в мелком населенном пункте С. и думает. Подходит к нему солдат 5-й роты 217-го саперного полка Фриц П. и спрашивает: — Что делаешь, Роберт? Роберт отвечает: — Мечтаю. Фриц П. говорит Роберту К.: — Давай вместе мечтать. Отвечает Роберт К. Фрицу П.: — Давай. Два солдата 5-й роты 217-го саперного полка начали вдвоем думать. Проходит день, другой, третий... Роберт и Фриц думают. И так много думают, что у обоих голова разболелась. Настал четвертый день. Роберт и Фриц опять думают. Сидят на завалинке и думают. Подходит к ним солдат 5-й роты 217-го саперного полка Генрих Х. и спрашивает: — Что делаете, ребята? Роберт К. и Фриц П. отвечают:

— Мечтаем. Генрих Х. говорит Роберту К. и Фрицу П.: — Давай вместе мечтать. Отвечают Роберт К. и Фриц П. Генриху Х.: — Давай. Три солдата 5-й роты 217-го саперного полка начали втроем думать. Проходит день, другой... Роберт К., Фриц П. и Генрих Х. думают. И так крепко думают, что у всех трех голова разболелась, а у Роберта К. к тому же зуб заныл. Настал третий день. Роберт, Фриц и Генрих опять думают. Сидят на завалинке и думают. Подходит к ним ефрейтор 5-й роты 217-го саперного полка Ганс Ц. и спрашивает: — Что делаете, ребята? Роберт К., Фриц П., Генрих Х. отвечают ефрейтору Гансу Ц.: — А тебе какое дело? Ефрейтор Ганс Ц. говорит Роберту К., Фрицу П. и Генриху Х.: — Я знаю. Вы мечтаете. Давай вместе с вами мечтать. Отвечают Роберт К., Фриц П., и Генрих Х. ефрейтору Гансу Ц.: — Давай. Три солдата и один ефрейтор начали вчетвером думать. Проходит день. Роберт К., Фриц П., Генрих Х., Ганс Ц. думают. У ефрейтора даже каска опухла. Настал второй день. Послали их вчетвером в разведку. Идут они в разведку и думают. Подошли они этак к лесочку. А из лесочка в это время выходит наш боец Петр Ермолаев. Три солдата и один ефрейтор 5-й роты 217-го саперного полка бросают винтовки и говорят бойцу Петру Ермолаеву: — Рус, сдаюсь! Гитлер — капут. Мы, три зольдаты и один ефрейтор, мечтали. Мы нах плен мечтали. Отвечает Петр Ермолаев Роберту К., Фрицу П., Генриху Х. и Гансу Ц.: — Зеер тут! Давно пора. Хенде хох и марш вперед!

Г. РЫКЛИН

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

НА УЛИЦАХ БЕРЛИНА

— Это хоронят изобретателя Мюллера... Он уже почти совсем изобрел эрзац хлеба.
— И что же?
— И лут он неожиданно умер от голода. («За родину»)

ПРАВИЛЬНЫЙ РАСЧЕТ

Адъютант: — Простите, герр генерал, вы в третий раз обещаете солдатам 47-го полка возвращение домой. Это грозит неприятными последствиями.
Генерал: — Ерунда! Полк пополнялся уже пять раз. Два раза мое обещание никто не услышит. («Сын отчества»)

ГИТЛЕР И ЭХО

Гитлер: — Весна! Близки мои победы...
Эхо: — ...беды!
Гитлер: — В моих войсках победы дух...
Эхо: — ...ух!
Гитлер: — Солдаты рвутся жадно в бой...
Эхо: — ...ой!
Гитлер: — ...С большим подъемом в роту!
Эхо: — ...врте!
Гитлер: — Со всеми справлюсь по весне!..
Эхо: — ...во снел! («Красноармейская звезда»)

РУССКИЙ КЛИМАТ

Совинформбюро сообщило об активных действиях в тылу немецких войск на Смоленщине партизанского отряда «Мороз». Генерал: — Чорт побери, обер-лейтенант! Теперь же не январь, а вы попрежнему дрожите. Офицер: — Проклятая страна! Здесь даже в июне нашего брата донимают «Мороз». («В бой за родину»)

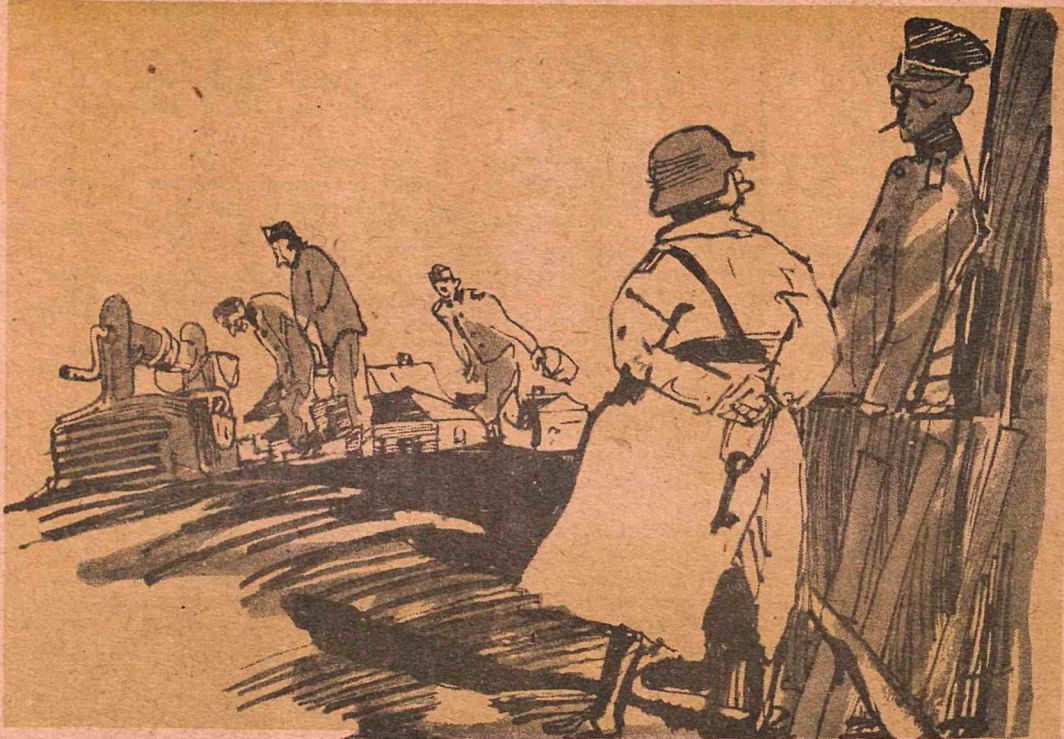
САМЫЕ НАДЕЖНЫЕ

Обер-лейтенант: — Герр полковник, что это значит? Я просил надежное пополнение, а получил... роту хромых и слепых. Полковник: — Так это же и есть самые надежные. Они назад не побегут. («Сын родины»)

НА ДОКЛАДЕ

— Безобразия! Ваша авиачасть, господин обер-лейтенант за неделю потеряла сто самолетов. Когда этому придет конец? — Он уже пришел. — ?! — Сегодня последние пять «Хеншелей» не вернулись на базу. («На разгром врага»)

Рис. В. Горяева

— Господин обер-лейтенант, почему колодец на запоре?
— Необходимая мера, господин полковник. Лучше запор, чем понос.

Не чихай!

СЕРЖАНТ мне рассказывал. Был у него боец. Боец как боец, только чуть сырость или что — чих на него нападал.

Бывало, идут на выполнение задания — всем общий приказ разъясняют, а ему отдельную команду поддают:

— Не чихать!

— Есть не чихать! — говорит боец.

Так его «Нечихай» и прозвали, по-приятельски.

Вот однажды провело наше подразделение операцию: окружили фашистский штаб и захватили селение таким внезапным ударом, что немцы и штанов надеть не успели: текали по огородам кто в чем был.

Ну, вышел мой сержант с несколькими бойцами, и «Нечихай» вместе с ними, в один дом. Смотрят, на столе обед стоит.

— Эх, красота!

— Кушать подано!

Сели бойцы за стол. До чего хорошо с похода да с усталости — и готовый обед!

— Садись за стол! — скомандовал сержант.

И, засмеявшись, добавил: — Нечихай! Не чихай!

Тут все обрадовались и только было застучали ложками, как кто-то возьми да чихни.

— Нечихай! — сказали все с укоризной. — Приказ, — а не выполняешь!

А он сидит юмщенный и молчит.

Стали есть. Ели, ели, вдруг опять:

— Апчхи!

Мы совсем развеселились.

— Чихай! — кричим. — Нечихай, дуй вовсю, вдоволь!

А он опять смутился и говорит так это тихо: — А я, товарищи, и не чихаю.

И вдруг опять:

— Апчхи!

А «Нечихай» вскочил, поблгровел, за винтовку хватил и говорит серьезно:

— Товарищ сержант, разрешите доложить: я не чихал!

И сам глазами как-то странно водит. Посмотрели мы, а юн на пол показывает.

Вмиг от стола разлетелись. В ружье — и кругом дом оцепили. Сержант говорит:

— Вот вы, товарищ боец, со мной в дом пойдете.

А тут Нечихай вышел и говорит:

— Разрешите мне, товарищ командир, поскольку там чих, — это уже по моей специальности.

— Ладно, — сказал сержант. — Пошли.

Немного времени прошло — выходят они из дома и... двух немецких автоматчиков ведут. Оказывается, фашисты в подполье засели, спрятались, отсиживаться думали, да не вышло.

— Известное дело, сырость! — говорил Нечихай тоном внатока. — Посидел он, леший, в подполье и... Апчхи!!!

И до того это здорово Нечихай показал, что мы даже заподозрили, что он воспользовался случаем и чихнул что было сил, от всей души.

Тут мы ему, конечно, ничего не сказали.

— Доставьте пленных к командиру части, — приказал сержант.

— Есть доставить пленных к командиру части! — повторил приказ Нечихай.

И скомандовал немцам:

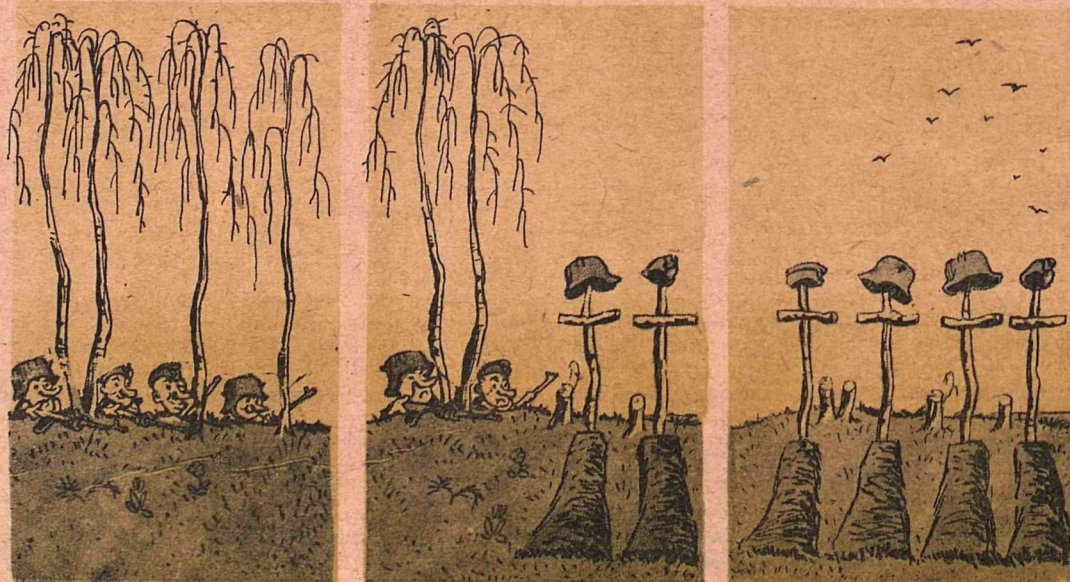
— Вперед, шагом марш!

И, проводя их мимо нас, тихо подмигнув, добавил:

— Не чихай!

Н. АЛАБУШЕВ,
младший лейтенант.

Рис. Б. Фридкина

Краткая история четырех березок.

Фашистская арифметика

Германское информационное бюро сообщило, что в налете на Кельн участвовало всего 75 английских самолетов. Берлинское радио увеличило эту цифру до 100. Иностранным журналистам, как явствует из сообщения шведской газеты «Афтонбладет», была названа цифра 250. Тем временем прибыли беженцы из Кельна, которые подтвердили, что город бомбили более 1000 самолетов.

Телеграммой Берлин
Извещает печать,
Что английских машин
Было семьдесят пять.

Но вещает Берлин
Всем по радио, что
Было этих машин
Приблизительно сто.

А для шведов Берлин
Производит подсчет:
Всех английских машин
Было больше двухсот.

Как проверить, скажи,
Где тут правда, где ложь?
Эти числа сложны
И на тройку помножь!

С. МАРШАК

СЛУЧАЙ С ОСТРЯКОМ

Одного берлинца — известного остряка — эсэсовцы арестовали и заявили, что не отпустят, пока он не перескажет всех анекдотов о Гитлере, Геббельсе и других фашистских вожаках. Бедняга сидит уже три года и все еще не кончил рассказывать.

НЕРАЗГОВОРЧИВЫЙ БЕРЛИНЕЦ

— Герр Фуллер, я должен сообщить вам неприятную новость.

— Гм...

— Ваш зять убит на Восточном фронте.

— Ох...

— Говорят, что и шурин ваш убит.

— Ах...

— Господи, неужели вы не можете выдать из себя хоть одно слово?

— Гм...

— Какой вы странный! От вас никогда не услышишь вразумительной фразы.

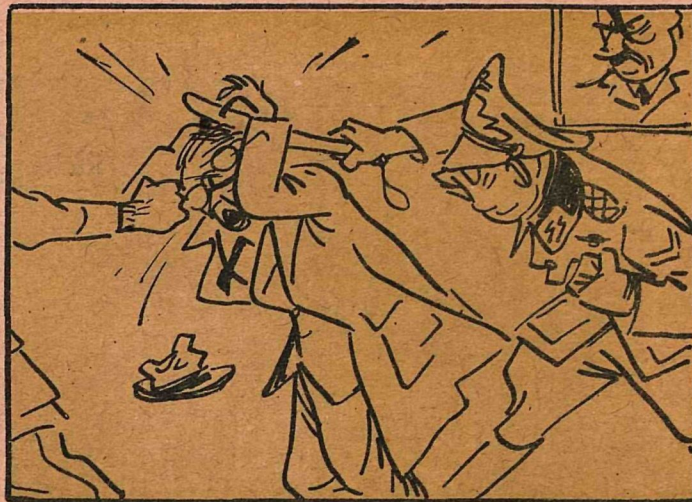
— Пхе...

— Хоть бы выругались, что ли...

— Хайль Гитлер!

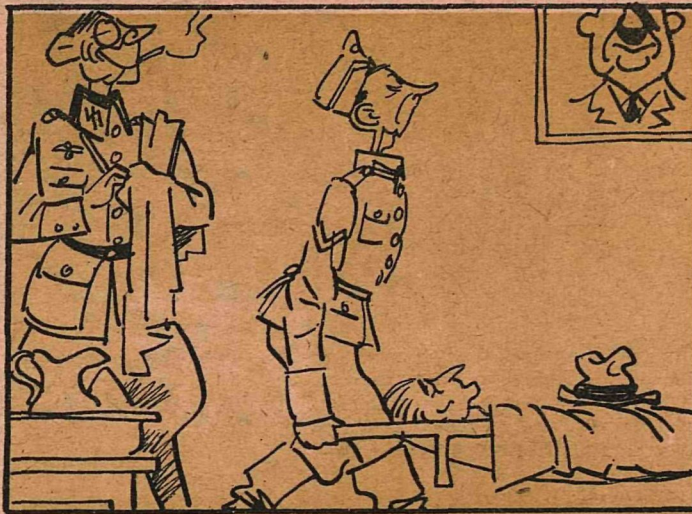
«Больного» выслушивают.

Выстукивают.

Массируют.

И, наконец, наступает мертвый час.

Друг обер-лейтенанта Хлюппа

ДА, лейтенант Карл Стервиц был воистину выдающимся смельчаком! — говорил обер-лейтенант Хлюпп, задумчиво поглядывая в окно вагона. — Как доблестно сражался он, например, в Греции!

Лейтенант Хлюпп выразительно поглядел на своего собеседника:

— Представьте себе: у нас только танки и автоматы. А кругом все греки, греки... бесчисленное множество греков! Ну, конечно, без оружия. И все же мы не дрогнули. Ни один! И в самый критический момент лейтенант Стервиц врывается во главе взвода в самую гущу греков и колет, рубит и расстреливает... Дети пищат, женщины плачут... Но не таков лейтенант Стервиц, чтобы его могло что-либо заставить отступить! И греки разбиты! Еще одна молниеносная победа! Одних только мертвых старух-гречанок мы насчитали потом свыше семидесяти штук.

Обер-лейтенант Хлюпп замолк под обаянием нахлынувших сладких воспоминаний.

— А на Восточном фронте... — проговорил он, наконец, затягиваясь ароматным дымом

лучшей сигареты фирмы «Эрзац-бурьян». — Вы, конечно, знаете, как воюют русские? Эти невежды совершенно не умеют правильно воевать. Они уничтожили наши самые лучшие дивизии...

Лицо обер-лейтенанта Хлюппа стало вдруг сумрачным. Но какая-то новая мысль вновь оживила его, мелькнув в мутных глазах, подобно отблеску ракеты.

— Какие чудеса благородной смелости показывал здесь лейтенант Карл Стервиц! — заговорил он опять. — Я помню такой случай. Мы ворвались в крестьянскую избу. Там оказалось пять женщин-колхозниц. Их многочисленные дети угрожающе ползали по полу. А нас было всего только семь человек! Нависла смертельная опасность. Слишком неравны были силы. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не мой самоотверженный друг лейтенант Карл Стервиц. Не щадя себя, он бросился вперед. Почти сразу же ему удалось заколоть трех женщин, потом он задушил двух остальных... Да, редкий храбрец, настоящий, чистокровный ариец! Никакие запоры и

замки не могли устоять против его отменной храбрости.

— Где же он теперь, ваш друг? — спросил его собеседник.

Обер-лейтенант грустно покачал головой:

— Погиб. Погиб, как и жил, героем. Его взвод в разведке заметил одного русского бойца. Он ловко маскировался под одного, но русских могло быть и двести и триста. Но разве опасность когда-нибудь удерживала моего друга? «Сдавайтесь!» — крикнул он, решительно поворачиваясь. Солдаты, должно быть, неправильно поняли команду и, вместо того чтобы взять в плен русских, тотчас же сами сдались им. Тогда мой друг побежал так быстро, что русские пули не могли его догнать: они отставали. Только он умел так бегать! Все же одна пуля догнала его. Лейтенант Стервиц получил почетную рану ниже спины. Она оказалась тяжелой, так что лечить его было бы слишком обременительно и долго. И нам пришлось ему дать крест и сильный яд.

М. ЛУЗГИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел., Д-3-33-59, Д-3-33-47. Прием ожеди. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Рукописн не возвращаются.

Москва. Изд. № 465

Подп. к печати 15/VI 1942 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

A61200

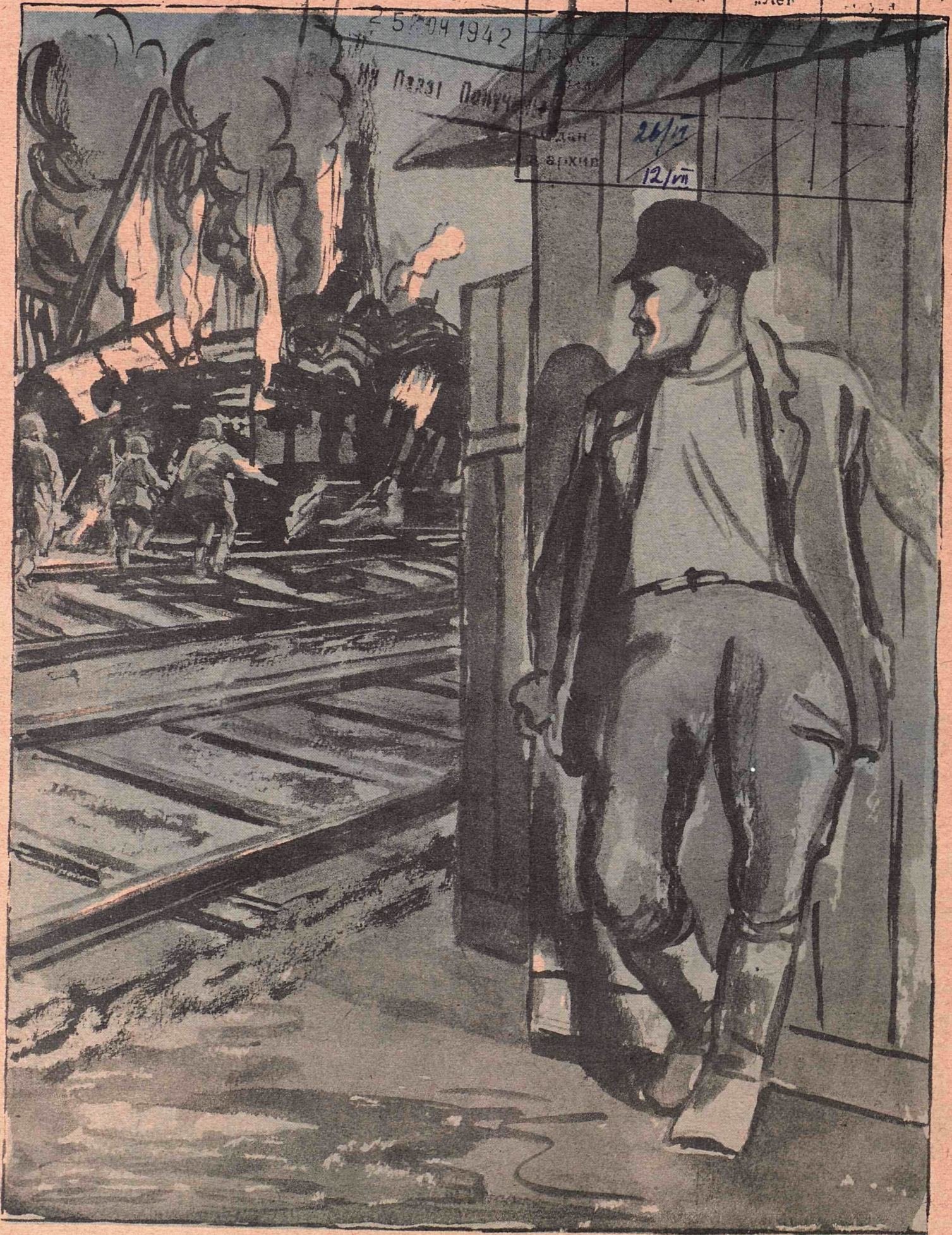
Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 1558.

Тираж 200 000 экз.

СОВСЕМ НЕ ПО ЧЕХОВУ

Рис. Л. Бродаты

ПАРТИЗАН: — Не без ума делаем... понимаем... Все отвинчи-
ваем... Ни одной не оставляем.